

Плач о дочери

Подойти мни вот, спобедной кручинной головушке,
Ко своему-то к рожопому к сердечному дитятку,
Ко своей-то мни ко белой к лебедушке,
Ко умершей ко бывшей к подстылой головушке!
Не от резвых от ноженек, не младой головушки —
Супротив-то сесть любимого ретивого сердечушка.
И как смотрю-то я, победная головушка,
На свою-то на белую лебедушку,
На своего-то на рожоного на сердечного на дитятка.
Как сегодняшним господним божьим дёнечком,
Да этиим-то ранниим-то утрышком
Всё я думала, кручинная головушка,
Уж я думала своим да умом-разумом:
Верно, дали-то свободну пору-времечко,
Пожалели, знать, белу ту лебедушку,
Пожалел, верно, крестовой твой батюшко
Да желанны твои тетушки
И не будили тебя, белая лебедушка,
С крепка сна оны сегодня не будили
И на работушку тебя не разряжали,
И также я, бедна кручинная головушка,
Поблизёшенько тебя не воскликкала,
С крепкого сну-то тебя да не будила,
Ко порядне я тебя не разряжала.
Как раздумалась своим да умом-разумом,
Я спрошу теперь, кручинная головушка,
У тебя-то, моя белая лебедушка:
«Долго спишь ты вот теперь, да не прохватишься,
С крепка сну-то что-то долго не пробудишься?»
А не по-старому, знать, спишь да не по-прежнему:
Нет во белых во рученьках маханьца,
Нет во резвых во ноженьках стояньца,
Нет во ясных очах да мигованьца,
Застоялся-то речист язык во млáдой во головушке;
Хоть и личенько, смотрю, есте бумажное —

Не бежат-то всё ведь слёзушки жемчужные!
Как смотрю, бедна кручинная головушка, —
И по фатерушке она да не похаживаё,
И на лавочке она да не посиживаё,
И в окошечко она да не посматриваё,
И по сенечкам не ходит да решетчатым,
Не выходит на любимое перёно на крылечушко,
И во светлу не заходит она во светлицу,
Во столовые не входит новы горницы,
И за пяльца не садится за точеные,
За узоры не садится за мудреные,
За шитьицем не сидит за рукодельным —
За любимым девичьим щепетеньицем,
Не спевает-то жупливых жалких песенок,
Не веселит-то свою млáдую головушку,
Не потешает-то ретивого сердечушка!
У порядни не видать да ёй крестьянскойой,
У поводу доімоводского:
У блинного не видать да ей печеньица,
У столового не видать да сыченьица,
У удоистых коровушек смотрёньица.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Что спрошу-то я, кручинная головушка:
Ты чего-то всё теперь да побоялася,
Ты чего да пострашилася?
Ты сесветной, безотней, верно, жирушки
И обидного победного девочества?
Убралась ты на ўную вековечную жирушку
Не во порушку-то ты да не во времечко —
В прекрасных молодых да ты во летушках,
В настоящее в прекрасное девочество!
Без надёжной, без отнеей ты жирушки
Как была-то тебе хвора, тяжелая постелюшка,
Умом-разумом была неустижимая,
Добрым людускам была да на сдвленьице,
Роду-племени была да на сумленьице,
Мни вот, бедной кручинной головушке,
На великую тоску да на досадушку!
Ты во трудной постелюшке сбивалася,

С ума с разума срекалася,
Всё я думала, кручинная головушка,
Размышляла я своим да умом-разумом:
Попрошу-то я бога от желаньца
Да святых я от усердия!
Пообещаю-то я свеченьки рублевые,
И посулю-то я пелены шелковые,
Может, ройдет-то худая пора-временчко,
Может, встанет-то рожоно моё дитяtko
Со трудной с тяжелой со постелюшки,
Может, справится по-старому, по-прежнему!
Вот прошла-то тебе трудная постелюшка,
А пришла-то тебе скоро непосульная смерётушка,
Подошла она к тебе тихошенько,
И убрала она тебя скорешенько,
Во юных, в молодых тебя во детушках!
Как ты была-то всё, голубушка, в живности,
Хоть в сиротском во прекрасном девочестве,
Была девушка во чести да во славушке.
Добры людюшки тебя да всё хвалили,
Называньце было тебе очймое,
Похвала тебе всегда да позаочная,
Было росту у тебя да всё пригожества,
А красы-басы было да всё угожества!
Добры людюшки срекалися,
Вси красотушки тобой да дивовалися
И жирушка была тебе сиротская —
Только волюшка твоя была господская!
Уж ты жила, моя белая лебедушка,
Ты в безотнеей в обидной во жирушке,
Со своим-то со крестовым жила батюшком,
Да свои были желанны твои тетушки,
Не влагали-то сердечного желаньца
До тебя-то, до красной девушки.
С благословеньца-то не было ложеньца.
Со Исусовой молитовкой буженьца!
Будили-то по утрышку ранешенько
Всё тебя до праведного солнышка,
И разряжали на крестьянскую работушку:

Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу тебе оны заботушку,
Где работушка та им не прилюбилася.
Да тогда оны тобой да заменилися,
Огрубляли тебя грубыма словечкамы,
Ударяли-то ударами ведь больныма,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горющицу!
Тогда вилося, свивалося
Мое тогда победное, ретивое сердеченько.
И не посмела я, победная головушка,
Я взастúp сказать единого словечушка.
Была волюшка твоя да не улажена,
Да головушка твоя да не учесана,
Мелка косынька-то не была уплетена,
Тебе не было слободной поры-времечки
По гульбищам ходить да по прокладищам,
По веселым тебе да всё по игрищам,
По годовым владычным по праздничкам.
Тебе не было любимых да гостинных неделюшек
Во почестном побывать тебе гостебище —
Вешных неделюшек красивых
Да осенних тебе да сербетливых,
А зимних тебе да всё гульливых!
Как имели-то заботушку в головушке
Над тобой да распоряживать,
А не имели той заботушки
Да тебя оны улаживать:
Обувать-то твоих резвых ноженек,
Одевать твоих девочиих плеченок.
Тебе не было всё, белая лебедушка,
По ноженькам-то не было обуточки,
А по плеченькам-то не было одеточки,
Кажной праздничек-то не было покупочек
Да кажимо воскресеньице — обновочек,
Тебе не было-то летних украшеньицев
Да зимних тебе да согреваньицев,
Не справлены-то куньи были шубоньки!
Приходили всегда празднички годовые,

У тебя-то были слезушки готовые,
Ты садилась под косивчато окошечко,
Проливала ты горючи-горьки слезушки!
Как ходили-то советны твои по́дружки
Ко владычному годовому ко праздничку,
А говорила ты победной мни головушке,
Что заверну свою я младую головушку,
Завихну свое ретивое сердечушко —
Нет по разуму мне цветных-то платицев,
Не пойду лучше к владычному ко праздничку,
Пойду лучше в дремучие во лесушки
Я по сладкие по розовы по ягодки;
И не уходится ль обидушка в головушке,
Не закрепится ль там ретивое сердеченко!
Ты послушай-ко, рожоное дитячко,
Сокрушилась моя млáдая головушка,
Уж как ростячи рожонные вас детушки
Поели своей-то законной семеюшки,
После вашего кормильца света батюшки!
Прошло десять-то учетных круглых годышков,
Как преставилась законная семеюшка,
Как осталась-то победная головушка
Во вдовиной в іго'рэгорькоей во жирушке
Со своима-то со малыма с рожоными со детушкамы,
Я со глупыма со малыма осталась недоросткамы,
Я со стадышком осталась со гусиным,
А со дрúгим — с лебединым!
Уж думала своим да умом-разумом,
Размышляла своей младой головошкой:
«Уж я как-то стану жить теперь, победнушка,
Во большой да не в одольнеей семеюшке
И как возвращивать рожонных детушек?»
Не разрушítь бы мни великоей семеюшки,
Не рассердить-то мни бы братца богоданого,
Вашего крестового бы батюшку,
Не разгневать бы ветляных нештуточёк,
Мни своих-то богоданных невестушек,
Поприбавить бы мни разума в головушку,
Не распустить бы мни рожонных своих детушек

Мни по всим бы по сторонущкам!»
Говорил мни вот крестовый да ваш батюшко:
«Наступила вот пора тебе не прежняя:
Нынь ведь время тебе будет не по-старому,
И распорядки вси твои да не по-прежнему —
Если думно жить с нами во семеюшке,
Надо иметь много заботушки в головушке:
Ставать надо по утрышку ранешенько
Да и по вечеру ложиться спать позднешенько.
Ты не будешь теперь да нас разряживать,
Мы тебя теперь да будем распоряживать!»
Тут раздумалась, победная головушка,
Я своим да умом-разумом,
Уж не знала тут, победнушка,
Примениться как к горегорькой к сиротской ко жирушке,
Уж мни как-то жить на сём свете на белом,
Не стерпеть будет великой кручинушки,
Не сносить будет злодейной обидушки.
Потом раздумалась опеть да умом-разумом,
Что закреплю свое ретивое сердечушко:
Стану горюшка во людюшки не сказывать,
Про обиду добрым людям не рассказывать,
Чтобы горюшко мое бедно не плакало,
На меня бы то оно да не судьякало,
Приклоню я свою младую головушку!
Приклонила я головушку низешенько,
Покорила я сердеченько милешенько,
Своей-то я любимой всей семеюшке
Говорила я, спобедная головушка:
«Хоть не по-старому держите, не по-прежнему,
Хоть работушкой меня да огрузите-ко,
Да словечками меня да не грубите-ко!»
Тут я стала жить, спобедная головушка,
Тише водушки я стала жить ключёвой,
Ниже травоньки-то стала жить шелковой,
Клонить-то стала младую головушку
Всим любимым спорядным да и запольным соседушкам.
Тут не хозяйкой стала да распорядчицей —
На работушке была да за работницу,

На двори-то я была да за коровницу,
На гумни-то я была да за молотчицу,
Гди работушка та им не прилюбилася,
Тут и мной оны всегда да заменилися!
Тут жила, бедна кручинная головушка,
Я не знала в году праздничка годового,
Воскресеньицев не знала я Христовых,
Всё ходила я по темным по лесушкам,
Я по разным всегда да по работушкам.
Уж мы жили-то, рожоны, с вами, детушки,
Вы росли-то всё безотние, сиротские,
Вам от солнышка-то не было согревушки,
Вам от ветра не бывало заборонушки,
Вам от частого от дождичка покрывшечки,
Вам от добрых от людюшек заступушки!
Слыли вольные-то вы да самовольные,
Безунём'ные вы слыли, безнарядные,
На работушку-то слыли малосилые,
У стола-то слыли больше вы едучие.
Огрубляли вас вот грубными словечками,
Да стращали меня, бедную горящицу,
Угрожали всё победную головушку
Оны хлебами всегда да вот особыми,
Да столами-то стращали всё отдельными!
Не дай господи на сём свите, не приведи
Во сиротской в обидной жить во жирушке!
Лучше не были бы дети тьи рожены,
Лучше не были бы на белой свет попущены!
Ты послушай, моя бела лебедушка,
Ты любимое рожоно мое дитятко,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Как сегодняшним господним божьим денечком
Как прибираются народ да люди добрые,
Собрались-то вси спорядные запольные суседушки
И все соседски малы детушки, —
И вот не шелковый клубок теперь катается,
Вся породушка вот к нам да прибирается.
Как пришли теперь да сродцы наши сроднички,
Пришли-то наши тетушки-добротушки,

Да сестриченьки пришли да двуродимые,
Да жаланые пришли-то твои дядюшки!
Не по-старому пришли да не по-прежнему!
Уж как преж сего ходили да до этого,
Как ты была, головушка, во живности,
Выбегала на перёно ты крылечушко,
Выходила ты на шіроку на уличку,
Ты встречала-то своих да дорогих гостей,
Ты с покорным стретала да с почтеньцем.
Ты вводила во хоромное строеньце,
Проводила-то во светлы их во светлицы,
Ты в столовы проводила новы горницы,
Угощала ты своих да дорогих гостей,
Кипятила самовары ты луженые
С чаями-кофиямы заварёныма!
И закусочки былі всёгда наложены,
Были ествушки всегда да приготовлены!
Уж как нгнечу-теперечу,
Как сегодняшнего денечку
Наши гостюшки пришли не веселешеньки,
Совсим-то заунылы да екучнешеньки.
Не к владычному пришли да к нам ко праздничку,
Не в любимое в почёстно к нам гостёбищо,
Оны к нам теперь .пришли не на поминочки,
Не на твою пришли обидную на свадебку,
Не принесли-то честных дóрогих подарочек!
Спасет бог да благодарствуйте
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Уж вы пришли к моей ко белой лебедушке!
Вы не первое пришли теперь, последнее,
Вы к последнему пришли да с ней свиданьцу,
Да и ко пóслему пришли теперь прощеньцу.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Ты любимое рожоно мое дитятко!
Я за честь прошу, кручинная головушка,
Уж вы встань-ко всё, пожалуйста, скорешенько,
Развернись-ко ты теперечу смелешёнько,
Ты по-старому-то встань да всё по-прежнему,
Сделай доброе теперечу здоровьице,

Заговори-тко вот любимые всё ласковы
Хоть последни вот словечушка
Со своей-то со породой с именитою,
Проведи-тко их по-старому, по-прежнему,
Ко столам-то ты веди да ко дубовым,
Ко накрытому столу да ты ко честному,
Угощай-ко ты своих да дорогих гостей.
Угощай-ко всех спорядных соседушек!
Ты сама садись-ко, белая лебедушка,
Звеличать мы тебя будем не по-старому,
Почитать да тебя станем не по-прежнему;
Хоть- лебедушкой мы белой называем,
За гостейку любиму тебя да почитаем.
Уж ты сядь-ко всё теперь да угощайся-ко,
Уж ты досыта с гостями наедайся-ко,
Уж ты дóлюби-то теперь да напивайся-ко.
У нас всё -есте теперь для вас прилажено,
У нас всё есте теперь да приготовлено.
И налажены вси ествушки сахарние
Да и разведены вси литвина медвяные!
Ты не первое вот кушай — всё последнее,
Послий разичек ты, белая лебедушка.
Мы не пивши-то тебя да не отправим,
И голодной-то тебя да мы не справим.
Охти мни, бедной кручинной головошке!
Хоть я много-то стала у ней выспрашивать,
Ничего она мни стала не рассказывать,
Хоть сказала бы, рожоно мое дитяtko,
Хоть одно мни вот любимое да ласково словечушко
Ты словечка никакого не сказала,
Ты ответа мне совсем не подавала.
Рассердилась на меня, знать, поразгневалась,
Аль, сама знаю я, кручинная головошка:
Нету душеньки в твоих да во белых грудях!
Ты последние была у нас денёчки,
Уж ты послие живешь у нас часочки.
Мы справляем-то тебя да снаряжаем
Мы не к праздничку тебя да отпускаем
И не в любимое почестное гостебище,

Не на гулянку мы тебя, не на прогулочку —
Мы справляем тебя, белая лебедушка,
На вековечную, бесконечную на жирушку!
Как прибудешь ты на уную на жирушку,
Ты пошли-ко нам письмо да пошли грамотку,
Скорописчатое нам пошли известьице,
Ты куда будешь, голубушка, положена,
Куда место-то тебе да уготовано?
Извести-ко нам про будущую жирушку,
Тебе худо ль там покажется,
Аль хорошо, может, понравится!
Ты послушай-ко, голубушка,
Что акажу тебе, кручинная головушка,
Хоть мы справили теперь тебя, наладили —
По недугу ль тебе, любушка, по разуму
Мы одели-то тебе да цветны платица,
Вековечное тебе да одеяньице.
Мы не пышно положили, не нарядное,
Мы не цветно, не особенно
Мы не славно да не дорого —
По своему-то мы, победные, возможёньюцу,
По своей-то по несчастной по силушке.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь,
Не осуди-ко, моя белая лебедушка,
Извини-ко ты, рожоно мое дитятко,
Не в шелки тебя одели не в московские,
Не в материи тебя драгоценные,
Мы не в новы ситцы да в петербургские —
Мы в простую-то одёженьку крестьянскую,
Мы не в новую тебя — да во понóшену.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь —
Не моя ведь есте вольная всё волюшка
Справлять-то тебе цветных платицев
И наладить вековое одеяньице!
Как была бы то моя да вольная волюшка,
Как бы в моих руках бессчетна золота казна,—
Я бы справила тебе бы, всё наладила,
Я не в эдаки бы платица одела бы,
Да и не в эдаку обуточку обула бы —

Положила бы во платица во цветные,
Да в нарядные тебя бы в подвенечные,
В рубашечку во травчату,
В душегреечку тебя бы гблёвой парчи,
А на ноженьки шелковые чулочки
Да в сафьянные башмачеки!
Я бы убрала головушку в цветочеки,
На головушку — жемчужну мелку сеточку!
Вот бы так бы тебя справила, наладила,
И еще бы я тебе да положила бы
Я на кбсыньку лазуревы цветочеки,
И в кóсыньку тебе бы алу ленточку,
Я во правую во рученьку злачёны перстешочеки!
Я бы убрала тебя бы да наладила
По недугу-то было бы да по разуму!
И как нету-то именица-богачества
И нету-то у нас да золотой казны,
Дак не справишь-то всё пó-люби, по разуму.
Как бы был бы то ростителек во живности,
Тебе всё было бы справлено,
Тебе всё бы приналожено!
То ведь жирушка-то наша небогатая,
А житье-то не слаутное;
Хоть осталось твоих цветных платицев,
Дак остались-то сестриченьки родимые,
Три-четыре по фатерушке шатается,
Да головушка с головушкой равняется!
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Я еще спрошу, победная головушка,
У тебя-то всё, рожоно мое дитятко:
По недугу ли тебе да всё по разуму,
Тебе вечное хоромное строеньице,
Вековое-то тебе да домовищечко?
Оно просто-то совсим есте налажено —
Не покрашено оно да не побашено,
Не поставлены-то терёмы высокие,
Да не врублены косивчаты окошечка,
Да не вложены хрустальные стеколышка.
Со простых досок со еловых налажено

Совсим просто-то тебе да домовищечко.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Как было бы именьице богачества,
Как была бы золота казна бессчетная,
Как бы был-то всё во. живности кормилец твой батюшко,
Как была бы то моя да вольна волюшка —
С честью-славою тебя да мы отправили,
С великатием тебя бы схоронили бы,
Мы со звоном бы тебя да колокольным,
С попом — отцом духовным
Да с петьем божьим церковным!
Как схороним тебя, белая лебедушка,
Во матушку сыру землю
И во буеву холодную могилушку,
В вековечну, бесконечну тебя жирушку,
Закроем тебя матушкой сырой землей,
Замуравим тебя травонькой шелковою!
Ты прощайся-ко вот, белая лебедушка,
С родом-племянью прощайся-ко любимым,
Со породушкой прощайся с именитою.
Вы простите, вся порода именитая,
Вы простите-ко, спорядные соседушки,
Ты прости-прощай, хоромное строеньице,
Нам последнее с тобой теперь прощеньице —
Вы простите мою белую лебедушку:
Как была она, голубушка, во живности,
Во прекрасном сиротском хоть девочестве,
Хоть и жирушка-то ей была сиротская,
Только волюшка была у ей господская.
В шутках, в баснях вы простите, в прибадурочках!
Уж как больше-то не будет да живешенька,
Дак могилушка хоть будет да близешенько, —
Будет буде мни слободной поры-времечки,
Уж я буду на могилушку похаживать,
Уж я подолгу-то буду да высиживать,
Я в осенние во ночки
Буду обидушку выбрасывать,
А во вёшные денечки
Буду обиду всю высказывать.

Мни вот стоснётся, победнушке, стоскуется,
Как расходится обидушка в головушке,
Сколыбается зазнобушка в утробушке —
Уж я брошу всю крестьянскую работушку
И пойду к тебе на буюву могилушку!

Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. Похоронные причитанья вопленицы Н.
С. Богдановой. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год».
Петрозаводск, 1911.